

УДК 101.1:316

А. А. Овчаров

О СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЯХ

В статье рассматривается философия социальных ценностей в контексте культурологических исследований. Центральное место в работе занимает определение культуры как способа человеческой и общественной жизни. В культуре человечество утверждает себя, преодолевая сопротивление окружающей среды и осуществляя раскрытие смыслов бытия. Становление онтологии культуры происходит через реализацию ценностей или парадигм культурной деятельности субъектами социальной деятельности.

Ключевые слова: социальные ценности, смыслы бытия, социальная жизнь, культура, парадигма культурной деятельности, субъекты социальной деятельности.

A. A. Ovcharov

ON SOCIAL VALUES

This article discusses the philosophy of social values in the context of culturologic research. The centerpiece of work is definition of culture as a way of human and social life. Mankind asserts itself in culture, overcoming the resistance of environment and implementing the disclosure of meanings of being. Ontology of culture formation goes through realization of values or paradigms of cultural activities by social actors.

Keywords: social values, meanings of being, social life, culture, paradigm of cultural activities, social actors.

Поразмышляем о социальных ценностях. Предварительно зададим определение культуры как способа человеческой и общественной, жизни. В культуре человеческие существа утверждают себя, преодолевая сопротивление окружающей среды и осуществляя распаковку смыслов бытия. Становление онтологии культуры проистекает через реализацию ценностей или парадигм социальной деятельности.

Действительно, самое простое эмпирическое наблюдение дает множество культурных фактов (политических, экономических, культурных и др.). Все эти факты суть либо плоды культурной деятельности, либо сама эта деятельность как таковая (вещи и их соиздание). Феноменология этих фактов показывает наличие в них некоторой сущностной или абстрактной основы – эйдетики, «смыслового поля» как представлений об определенных обстоятельствах онтологии культуры. Содержание культуры обладает, во-первых, известным смыслом и, во-вторых, соответствующим представлением этого смысла в сознании и в продуктах практики. Иными словами, культура является парадигмальным паттерном культурной реальности.

Данный паттерн может либо быть актуализирован, либо восприниматься как нечто отвлеченное, выступая как источник, принцип и цель восхождения к культурной конкретике. Выражаясь иначе, паттерны культуры являются местом встречи идеального

и реального в человеческом и общественном способе жизни. Происходит реализация трансцендентальных идей в культурной деятельности. То есть идеальное выражение сущности культуры как ее специфический онтологический слой представляет информацию, культурное знание в виде суммы смыслов онтологии культуры, в виде программ культурных действий. Тем самым идеальное переходит в свое инобытие – в вещественную культурную фактуру. В данном процессе идеальное культурное бытие обладает парадигмальной функцией применительно ко всему онтологическому строю культурной системы в целом.

В чем состоит смысл указанной функции? Во-первых, идеальное культурное бытие проектирует вещественную культурную реальность с учетом того эмпирического материала, который имеется в распоряжении конкретных субъектов культуры. Оно является программой их действий. Во-вторых, культурное идеальное располагает собственной значимостью, определяя мотивацию стремлений субъектов. И, в-третьих, культурное идеальное формирует и обуславливает жизненную или экзистенциальную ситуацию субъектов культурной деятельности. Иными словами, идеальный состав онтологии культуры обладает статусом ценности вообще, а отдельные направления культурной деятельности, будучи обусловлены осознанностью их субъектами, являются ни чем иным, как ценностными парадигмами культуры.

Конкретное в культурной деятельности есть сами субъекты, их взаимоотношения в ходе овеществления и развеществления идеального в культуре. Существенное в этой конкретике заключается в том, что, осознавая культуру, творя ее и наделяя смыслами, люди не могут не оценивать данную культуру, не высказывать в прямой или опосредованной форме свое отношение к тому или иному культурному случаю. Первичным моментом является интуиция «для себя бытия субъекта культуры и бытия для другого». Она обладает решающим значением, ибо мир «без для себя бытия» и «бытия для другого» явится бытием, лишенным самопереживания и переживания другого (Н. О. Лосский). Этот деперсонализированный мир выглядит обезцененным бытием, так как отсутствует субъект оценки и культура не является способом жизни, а выступает в качестве мемориала прошлых действий (из мира актуального она переходит в мир потенциального).

Иными словами, культура без субъектов и ценностей превратилось бы в собрание неосознаваемых, обезцененных и «мертвых» (в деятельном плане) вещей. Пример тому виден в случае открытия археологических памятников. Они суть материально редуцированные свидетельства ушедшей социальной деятельности. Следовательно, онтология культуры не сводима к эмпирии.

При этом заметим, что базисная ценность в культуре есть бытие субъектов социальной деятельности. Способность их к самореализации ценна тем, что дает возможность субъектности быть собой, проявляться в культуре. Поэтому, если бытие субъектов само по себе есть важнейшая ценность в культуре, то последняя, соответственно, суть условие для дальнейшего развертывания диалектики культуры. Различные субстанции трансцендентны друг другу, но они имманентны в плане сознания. В этом онтологическом

отношении действует гносеологическая координата, имманентность всего всему, что создает практику взаимодействия субстанций или интересубъективность.

Если конкретное выражение культурной ценности есть субъектность и интересубъективность как источники и условия человеческой и общественной жизни, располагающие конкретными функциями по распаковке культурных смыслов, то сами эти смыслы являются содержанием культурного идеального, ценностями как программами культурной деятельности. Само представление о ценности передается уже в самом понятии «ценности». Это дано в таких понятиях как «благо», «долг», «национальный интерес», «права человека». Они суть абстракции, отображения реального бытия культуры как плода действий субъектов культурной деятельности: как отдельных людей, так и образуемых ими культурных общностей. В наиболее общем виде это представлено в формальных идеях культуры («благо», «искусство», «творчество»). Как абстракции культурные ценности тождественны составу онтологии социального бытия как его идеальное инобытие.

Потенциально востребованным в качестве ценности может быть любой вид культурного идеального. Это означает, что сами по себе идеи ценны постольку, поскольку они востребованы субъектами социальной деятельности. Содержание культурного идеального оказывается ценным при социальной востребованности или культурном «ангажменте». Культурная программа (парадигма) оказывается образцом, «лекалом», по которому производится конкретный предмет культуры или осуществляется культурное действие. Таким образом, культурное идеальное выступает в качестве *знака*, указующего на необходимость совершения/несовершения известных действий, с одной стороны, а, с другой стороны, сама по себе служит *парадигмой* конкретной культурной деятельности.

С функциональной точки зрения, ценности как идеальное или абстрактное бытие обладают парадигмальным значением в структурах социальной деятельности. При этом необходимо не забывать, что идеальное бытие становится ценным в контексте социальной деятельности. Нельзя также забывать и о ценности самого социального бытия как такового. Поскольку изначально ценным является само существование субъектов социальной деятельности, постольку наивысшей, с масштабной точки зрения, ценностью не может не быть само социальное бытие как таковое.

Именно общество есть максимальный субъект культуры и предельная возможная ценность. Действительно, вне общества нормальное существование человека быть не может; люди есть общественные существа. Следовательно, условие общественного блага в конечном итоге есть также условие частного блага для отдельного человека. Если социальное бытие перестает быть целостностью, то есть происходит разрушение культурной системы, то нарушаются естественные культурные связи. Это приводит к ухудшению, к кризису культурных оснований индивидуального бытия для отдельного субъекта. Так, в условиях войны, природной катастрофы и т. п. бедствий прекращается сложившийся распорядок человеческой жизни, и, более того, она ставится под угрозу. Следовательно, с ценностной точки зрения, общественная жизнь в целом так же необходима, как и индивидуальная жизнь частного субъекта. Если же рассматривать ситуацию строго онтологически, то, воспринимая общество как систему культурной деятельности, возможно, утверждать, что распад культуры как целого есть утрата ценности социума как такового.

С позиции интуитивизма мы полагаем, что бытие основывается на принципе всеобщей имманентности всего всему в сознании. Соответственно в идеальном бытии пребывают формальные идеи мира, преломляю-

щиеся в человеческом опыте в культурное идеальное. Интуитивно допустимо, что источником и носителем абсолютного знания, совершенной культуры является перфекционистское бытие. В то же время, человеческие субъекты культуры выступают осознающим, конкретно-идеальным бытием. Сознание позволяет им постигать смыслы культурного идеального и на их основе творить культурные явления и события повседневной реальности. Однако повседневная культура всегда недостаточна, творец культуры всегда – Фауст, а невозможность «остановить мгновение», утвердить статичность в наличном состоянии культуры открывает тропу грез о культурном совершенстве. Следовательно, неизбежно стремление субъектов культурной деятельности к *абсолютной, перфекционистской культуре* – это путь религиозной теории и практики.

В религиозных формах человек стремится, соответственно, к совершенному и полному во всех значениях состоянию своей и общественной культуры. Эта «Божественная полнота бытия» зачастую оказывается наивысшей культурной ценностью, которая часто превалирует даже над индивидуальным бытием субъектов. Так, для окрашенной в тона религиозной веры культуры это не просто актуальная ценность, но и потенциальная цель всего человечества и каждого человека в отдельности, то есть «альфа и омега» культурного опыта.

С учетом опыта религиозной культуры интуитивизм подразделяет всю аксиологию на абсолютную и производную. Предметом абсолютной аксиологии является перфекционистская культура. В сакральном плане это сверхмировая абсолютная положительная ценность – «Бог». Как следствие, предметом производной аксиологии выступает понятие «производной ценности»: это культурная деятельность прагматического толка, периферия перфекционизма. На данном основании интуитивизм вводит онтологию в этику,

а точнее «этизирует» онтологическую картину культуры. Существо данного «этизирования» состоит в том, что он рассматривает ценности как векторы культурной деятельности, направленные либо к перфекционистскому бытию культуры, либо к противоположному – к удалению от перфекционизма.

На основании вышесказанного можно дать общее определение «культурной ценности». Она всегда связана не только с субъектом, но с его жизнью. В самом определении понятия производной ценности это можно указать, если выразить это так. Культурная ценность есть бытие в его самопереживаемом или переживаемом другими существами значении для осуществления абсолютной полноты жизни или удаления от нее. Итак, ценность в культуре есть сама деятельность субстанции-субъекта, перспективная или актуальная по конкретной цели. Применительно к социальной сфере ценность есть сама культурная деятельность, направленная либо к воплощению общественных идеалов, либо к их дифференциации и редукции.

Данное определение культурной ценности имеет теоретический характер. Разумеется, оно не исчерпывает весь потенциальный спектр аксиологических смыслов. Указание на ценностное значение культурной (социальной) деятельности призвано выделить и отметить то обстоятельство, что в культуре все происходит в деятельных актах и соответственно любая аксиология не может не производить оценку, прежде всего самой деятельности в единстве с субъектом последней и с объектом воздействия.

Следствием этого как раз и выступает парадигмальное истолкование ценностного акта в культурной деятельности. Практически, в структуре культурной ценности содержится субъект, его деятельность и цель деятельности. Первый – суть конкретно-идеальное бытие, центр и высший уровень триединства социальной субстанции. Вторая – образует культурную ценность как реальный факт;

это ипостась, модальность реального, эмпирического бытия ценности. Третья – является идеальным смыслом, программой культурной деятельности и содержит в себе как формальную идею («должное бытие культуры»), так и материальную идею – принципы конкретного «овеществления», опредмечивания ценности, то есть исполнения известного культурного действия.

Таким образом, онтологически, в культуре представлены культурное идеальное или эйдетика ценностей, материальный «пласт» культуры или исполнение ценностей в актах культурной деятельности, и, наконец, конкретно-идеальное бытие – субъекты или творцы культуры и ее ценностей. Они осуществляют ценности, стремятся сознательно и неосознанно к таковым и сами являются ценностным фактором культуры как жизни человечества. Примат этих ценностных уровней есть жизнь самих людей как «базисных» субъектов культуры. Без него любая культурная ценность обесмысливается.

Поэтому и можно утверждать, что *ценности в сумме образуют парадигмы культурной деятельности*. Это суть программы человеческого и общественного жизненного опыта. А так как деятельность субъектов невозможна без задействования интенциональности их сознания, то парадигмы культуры не могут не иметь интенциональный или парадигмальный характер. Таким образом, культура парадигмальна. Она стремится к определенным результатам. Парадигмы образуют тем самым совокупные модальности, способы культурной деятельности как постоянно возрастающие и усложняющиеся случаи жизненного опыта человечества.

Парадигмы культурной деятельности суть реализация культуры, действительное существование общества как системы деятельности в восхождениях от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. В идеальном смысле интенциональ-

ность культуры, во-первых, есть нахождение культурного идеального как социального знания и осознание общественной действительности во всей ее онтологической полноте. Это путь перфекционистской перспективы. Во-вторых, это суть само стремление к перфекционистской культуре, интенция общества к оптимальной стадии своего становления и, соответственно, идеал завершения социального становления – мечта о статичной культуре. Именно к этому можно и отнести известное восклицание Фауста «Остановись мгновенье – жизнь прекрасна!».

Жизнь в рамках строгого следования абсолютным и ближайшим к ним производным («положительным») ценностям, как идеям, имеет для субъектов культуры, как правило, исключительный характер. В самом деле, по сути своей это не что иное, как религиозная жизнь. Это парадигма индивидуальной или коллективной теофании, жизни в Боге, и жизни с Богом. Она задается путем предельной функционализации жизни субстанциальных деятелей (субъектов культуры) в рамках соответствующих социальных институтов (религиозные сообщества: церковь, монастырь, теократические государства) и норм, закрепленных на уровне культурной.

В своей действительной жизни, то есть осуществляя себя в пространственно-временном измерении в рамках культурно-

исторического процесса, субъекты культуры заботятся об утверждении ценности собственного бытия через следование как положительным, так и отрицательным идеальным ценностям вмещающей их культуры. В положительном случае происходит рост, становление предметов культуры как экзистенциально значимых обстоятельств личностного бытия для себя и для другого. В противоположном случае происходит замыкание позитива для личностного бытия на нем самом. Это путь **его-центрированного потребления** культуры или приватизации культурных ценностей. Это способствует реальной социальной и культурной дифференциации. Хотя данный путь связан с творчеством, тем не менее, результаты последнего могут быть далеко не однозначными; редукция абсолютных ценностей не всегда путь добра, но зачастую приводит к негативным последствиям (индивидуальный и социальный эгоизм, культура как зло).

Культурные ценностные парадигмы также могут быть истолкованы как аспекты конкретной объективации (овеществления) культурного идеального. Сами по себе эти базисные паттерны деятельности как таковой не несут позитива и негатива, не будучи востребованными для реализации конкретной идеи культуры и не относимыми к жизни конкретных субъектов.